

Был в истории России один духовный феномен. Это Александр Николаевич Радищев. В советское время поэт Евгений Винокуров написал о нём такие стихи:

*«Авроры» залп, встают с дреколем сёла,
но это началось в минуту ту,
когда Радищев рукавом камзола
отер слезу, увидев сироту...*

Вызывает удивление степень духовного сострадания, которая была присуща этому внешне весьма благополучному человеку. Директор самой большой в России таможни, вполне благополучный дворянин, Радищев вдруг проявляет невиданную решимость в осуждении существующих порядков. А решимость — от озарения: «я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала» — пишет он в предисловии к «Путешествию из Петербурга в Москву». Предисловие озаглавлено «А.М.К. Любезнейшему другу». Далее Радищев сообщает, что: «обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы». Что же узрел писатель, взглянув «прямо» на предметы и себя самого?

«Я человеку нашёл утешителя в нём самом. «Отыми завесу от очей природного чувствования — и блажен буду»... — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетельных себе подобных. Сея мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь».

Неизвестно, читал ли Радищев труды святых отцов церкви. Судя по приведённым отрывкам, он хотел описать своими словами состояние духовного прозрения. Это не просто эмоции культурного человека, которому вдруг стало стыдно за общество, допустившего сиротство. Это не жалость воспитанного дворянина. Слеза на камзоле — это, скорее всего, вспышка евангельской любви к ближнему, искра в душе от проникновения в неё Святого Духа. Эта любовь универсальна и всеобъемлюща. Как говорил Иоанн Златоуст — она включает в себя смысл и значение всех остальных заповедей Нового Завета. Этому нельзя научиться в каком-то культурном учреждении, потому что это не элемент культуры, это начало преобразования в нового человека!

Некоторые исследователи пишут, что русское общество того времени не было готово к тому, чтобы проявить такую же, как Радищев, духовную решительность в осуждении страданий, претерпеваемых низшими сословиями. Не готово — слишком слабо сказано. Русское общество вообще двигалось в своём развитии совсем в другом направлении. Высшие сословия обратили свои взоры к европейскому просвещению. Стало модным изучать труды Монтескье, Руссо, Мабли и Гельвеция. Писатель и историк Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» с каким-то восторгом пишет: «мы не таковы, как брадатые предки наши; тем лучше. ...Для нас открыты все пути к утончению разума и благородным душев-

ным удовольствиям. *Всё народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами!*¹.

Если вспомнить, какие «брадатые предки», например, протопоп Аввакум и его последователи, показывали удивительный пример служения Иисусу Христу и его Святому делу, станет ясно, что Карамзин звал общество куда-то прочь от православия. Вместо искренних религиозных переживаний вплоть до самозабвения, вместо отношения к христовым заповедям как к способу жизни, дворянин с головой ушёл в жизнь светскую. Ему казалось, что государство и добрые нравы в нём можно создать исключительно разумом. Что делали современники Радищева — государственные и общественные деятели? Одни писали нравственные наставления молодому поколению, другие участвовали в развитии русского просвещения, третьи критически осмысливали происходящее². К последним культурологи относили, очевидно, и Радищева. Но в его лице мы имеем совершенно другое духовное явление — живую душу православия в светском человеке.

А.Н. Радищев тоже прошёл основательную школу европейских философов-просветителей в Лейпцигском университете. Однако четыре года учёбы не превратили студента Радищева в материалиста. Слишком сильна в нём была православная закваска, о которой сам он, возможно, и не догадывался.

В то время как дух европейского человека оторвался от мистического центра, отошёл от церкви, рационализировал и механизировал жизнь, по выражению профессора С.Н. Булгакова, в России периодически заявляли о себе носители православного духа. В отличие от своих европейских учителей, Радищев не мог смотреть на российскую действительность с точки зрения внерелигиозного гуманизма. Чужие страдания он воспринимал как свои. Без избавления от них ближнего он не видел и своего личного счастья. Этот вывод напрашивается сам собой! Потому что иначе трудно понять, как вдовец — отец четырёх детей, младшему из которых не исполнилось и семи лет, вдруг пишет гневную обличительную книгу, понимая, что может вызвать гнев царицы и суровое наказание. А значит, и лишиться возможности общения с детьми. Их он оставил под надёжной опекой богатых друзей. Но карьеру свою погубил и навсегда стал врагом царской власти.

«Путешествие из Петербурга в Москву» (далее кратко «Путешествие...» — В.С.) Радищева впервые вышло отдельным изданием в 1790 году. Через год в «Московском журнале» писатель Николай Михайлович Карамзин начал печатать «Письма русского путешественника». Какая пропасть в духовном содержании двух произведений, написанных в одно время! Возьмём только один эпизод из «Путешествия...». Радищева потрясло (как он пишет: до внутренности) зрелище похорон в Яжелбицах. Отец плакал над могилой сына, умершего от болезни, переданной им «по наследству» отцом. Судя по всему, речь шла о сифилисе. Автор «Путешествия» в стогах безутешного отца услышал и своё осуждение. Вспомнились дни распутной юности самого автора «Путешествия...»! Он горько сожалел, что государство, дозволяя «мздоимное» распутство, отравляет жизнь граждан и открывает путь ко многим порокам. Радищев смотрит на жизнь глазами христианина и, благодаря внутреннему глубокому переживанию, сам преобразается в страданиях. Скорбь за других — очищает от мирского сора его внутренний взгляд и даёт надежду победить сами пороки... Скорбь Радищева преобразается в гнев. Но это гнев любящего людей человека. А.С. Пушкин охарактеризовал общий дух «Путе-

¹Н.М. Карамзин, «Письма русского путешественника». М., 1980 год. С.355.

²И.Н. Курочкина. «Дворянский этикет в России XVIII века». Культурология. М., 2003 год. С.493.

пешствия...» как дерзость мыслей и выражений, которая выходит из всех пределов. Одно соображение можно привести в оправдание подобной «дерзости»: когда автор не ставит себе никаких «пределов» в сострадании — он получает моральное право и обвинять и обличать без ограничений всё то, что считает причиной страданий...

Учёные называли этот человеческий феномен «византийским типом личности», которая отличается «духовной дерзостью, чуждой мелкому житейскому благоразумию». Это мужество веры, которое позволяло противостоять жизненным невзгодам, «осваивать резко континентальную территорию; подобно Сергию Радонежскому более десятка лет жить в заснеженной лесной пустыне. Этот тип характеризует себя, например, словами протопопа Аввакума, ответившего жене относительно того, долго ли им ещё мучиться: «Всю жизнь, матушка»³.

Этот тип мученика, который пришёл к нам из Византии вместе с её культурой и «неповреждённым» христианством, занимал особое место в духовном становлении русского общества. Его духовное становление было настолько же глубже и выше в своей нравственной красоте и Божественной правоте, насколько проповедь Христа выше уроков этики в обычном учебном заведении.

В одной из работ Юрий Лотман приводит слова декабриста Пущина, сказанные им в разговоре с царём. На вопрос Николая: как вы решились на это дело? — отвечал: «иначе я бы считал себя подлецом». «Этим он говорил, — поясняет Ю. Лотман, — у меня есть совесть, есть выбор. Итак, чему же учатся люди? Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Это три предмета, которые необходимы в любой Школе и которые вобрало в себя искусство»⁴.

Но в вере всё это даётся Богом: совесть и сострадание, любовь и смирение приходят здесь в душу человека вместе с верой, как откровение. Это откровение, посетившее князя Владимира после крещения, когда он вдруг пожалел разбойников, приведённых на казнь! Это слёзы умиления Преподобного Серафима Саровского, с которыми он встречал каждого приходящего к нему человека. А.Н. Радищев не выдержал мучений от преследований власти. Он поддался отчаянию и покончил жизнь самоубийством. В самый трудный момент не оказалось с ним рядом духовного отца и наставника.

Известный философ Д.И. Чижевский писал, что «со времён Ренессанса церковь выпустила из своих рук водительство культурным движением человечества. Это движение пошло таким путём, который вызывал её (церкви — В.С.) вполне справедливое недоверие и отчуждение»⁵.

И это произошло не случайно. По мнению другого русского философа Н.И. Ульянова, в духовной жизни народа **образовалось два мира, которые нигде не пересекаются**. В одном — достигается вечная жизнь, в другом — накапливаются «ценности культуры». В одном осуществляется любовь, в другом — справедливость и разум. Ни помочь, ни помешать блаженной жизни свободного духа ни культура, ни разум не могут⁶. Эта истина актуальна и для сегодняшнего дня.

Культурологи и публицисты в своих статьях всё чаще в разных выражениях проводят одну мысль, что заканчивается эпоха христианской культуры. Истоки

³В.Ф. Шаповалов, «Византийское культурное наследие». Культурология. М., 2003 год. С.564.

⁴Ю. Лотман, «Чему учатся люди». М., 2010 год, стр. 17.

⁵Д.И. Чижевский, «Русские философы». М., из-во «Книжная палата», 1996 год. С.170.

⁶Н.И. Ульянов. Там же. С. 216.

этого пессимизма, скорее всего, в заблуждении, что верующих пестуют в культурных учреждениях. А поскольку истинно православных людей пока мало, делается неверный вывод, что сдаёт свои позиции и христианская культура. На самом деле мир, где создаётся вечная жизнь, почти не зависит от состояния культуры и не определяется культурой. Конечно, система религиозно-нравственного воспитания в обществе помогает людям в их духовных исканиях.

Но всему начало — подвижнический духовный подвиг тех, для кого смыслом жизни стала любовь к Богу. Во времена, предшествующие правлению Екатерины Второй, в России было 732 мужских и 222 женских монастыря. Выходцы из них, монахи, служили в приходах по всей России. Было кому сказать прихожанам сокровенное слово, на примере собственного опыта показать пути к постижению веры. Но к концу XVIII века было уничтожено четыре пятых всех монастырей. Созданные Екатериной Второй масонские ложи, по меткому выражению В.В. Кожина, выполняли роль суррогата церкви в дворянском и отчасти купеческом обществе. Ни один светский институт воспитания, ни одно учреждение культуры не в состоянии заменить то влияние, которое оказывает на души людей преображённый верой человек.

Главной задачей православного верующего Преподобный Серафим Саровский считал «стяжание Святого Духа». Большую часть своей жизни отец Серафим провёл затворником, а потом стал учить и духовно врачевать людей! Без этой помощи людям его молитвенный подвиг был бы незавершённым. Так же поступали старцы Оптиной пустыни, Троице-Сергиевой лавры и других святых мест. А для верующих этот опыт Православия бесценен. Обособление в тиши монастырей много дало будущим проповедникам. Они постигли Благодать, чтобы потом эту силу Божью передать страждущим посетителям. Для того чтобы верной дорогой идти по земле, любому верующему надо сначала «научиться ходить по воздуху», то есть постигнуть существо Евангелия. «Закон духовен — настаивал Преподобный Макарий Египетский. — Если для нас было написано, мы должны всё понимать духовно и ничего по-иудейски или по-плотски».

Вот что писал о становлении православной Малороссии Николай Васильевич Гоголь. «Религия, которая более всего связывает и образует народы, мало... действовала. Монахи, настоятели, даже митрополиты были схимники, удалившиеся в свои кельи и закрывшие глаза для мира; молившиеся за всех, но не знавшие, как схватить с помощью своего сильного оружия власть над народом и возжечь этой верой пламень и ревность до энтузиазма, который один властен соединить младенчаствующие народы и настроить их к великому. Здесь была совершенная противоположность Западу, где самодержавный папа как будто невидимую паутину опутал всю Европу своей религиозною властью»⁷.

Судя по вышеприведённому отрывку, Гоголь считал, что католики знали секрет, как верующего сделать не только преданным церкви, но ещё и законопослушным рачительным хозяином на своей земле, защитником отечества и государства. Действительно, усилиями Папской власти — католики удачно соединили уважение к религиозным обрядам и ответственное отношение к своим гражданским обязанностям. Но последователей такой «внешней» официальной религии приходилось всё время контролировать, поправлять и наказывать! Церковная инквизиция держала католика в постоянном страхе. Однако когда человек не создаёт веру в самом себе, а только подчиняется внешним правилам, тогда есть соблазн их обойти.

⁷Н.В. Гоголь. Собр., том 4. С.17.

В Западной Европе постепенно куда-то исчезли «чистые отношения людей к Богу». Началась торговля индульгенциями (отпущением грехов), падение нравов, в том числе и в среде духовенства, и остальные печальные последствия всевластия повреждённого грехом ума, которому дают слишком много воли.

Весь предшествующий Православию опыт религиозной жизни убедительно показал, как опасны и вредны крайности, особенно — **недооценка величайшей пользы специального религиозного опыта «чёрного» духовенства, то есть монахов, с одной стороны, и необходимости для духовенства неустанно работать с паствой — с другой!**

В начале 90-х годов Россия возвращается к активному Православию. Сотни храмов пережили второе рождение, открылись новые приходы. Но материальную часть церквей восстановить проще, чем духовную силу проповеди наших церковных наставников.

Нам сейчас нужно много новых наставников и учителей православия. Просто необходимы такие творческие люди, каким был в своё время А.Н. Радищев! Слеза сострадания, которая когда-то упала на рукав его камзола, как метафизическое понятие, не высохла. Она засверкала в глазах Льва Толстого, Максима Горького. Она вспыхнула во взгляде писателя Леонида Бородина. Только сейчас мы начинаем понимать, как много мы потеряли, не дослушав его бесед и выступлений...

Свои светочи, свои духовные наставники должны быть в мирской жизни, так же как и в церковной. И они должны получить от государства и общества самые широкие возможности для своих выступлений, для систематической работы с самыми разными аудиториями.

Всё чаще в статьях и выступлениях публицистов проводится мысль: поймём своё богословие — станем другими! Только совместные усилия людей, отмеченных Богом, с ищущей Бога беспокойной душой, позволят состояться человеку в качестве человека!